

Евгений Лукин

Статьи. Эссе (сборник)

Евгений Юрьевич Лукин

Статьи. Эссе (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156969

Аннотация

«В пятом веке до Рождества Христова философ Зенон Элейский предложил вниманию древнегреческой общественности несколько апорий (логических затруднений), из коих следовало, что движение теоретически невозможно. За истекшие с тех пор два с половиной тысячелетия лучшими умами человечества было предпринято бесчисленное количество попыток прекратить издевательство над людьми и выявить неправильность построений Зенона. С одной задачкой удалось справиться довольно быстро. Осталось четыре....»

Содержание

В защиту логики	4
Взгляд со второй полки	10
Враньё, ведущее к правде	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Евгений Лукин

Статьи. Эссе

В защиту логики Заметки национал-лингвиста

Памяти Зенона из Элеи

1.

В пятом веке до Рождества Христова философ Зенон Элейский предложил вниманию древнегреческой общественности несколько апорий (логических затруднений), из коих следовало, что движение теоретически невозможно. За истекшие с тех пор два с половиной тысячелетия лучшими умами человечества было предпринято бесчисленное количество попыток прекратить издевательство над людьми и выявить неправильность построений Зенона. С одной задачкой удалось справиться довольно быстро. Осталось четыре.

Думаю, не будет ошибкой сказать, что апории пробовал опровергнуть каждый узнавший об их существовании. Счастливым исключением являются люди, напрочь лишённые способности к логическому мышлению: отмахнутся и забудут. Прочим – хуже. Простота и наглядность «Ахиллеса и черепахи» временами доводит их до исступления. Мало того, что апории оскорбляют человеческое достоинство, – они распространяются подобно компьютерному вирусу. Бедолага, обиженный черепахой, обязательно предложит эту головоломку друзьям, а то, согласитесь, как-то неловко получается.

Апории Зенона изложимы на любом человеческом языке. Наречия, в котором античный герой догнал бы и перегнал рептилию, судя по всему, пока ещё не обнаружено. Данную задачку можно легко растолковать на пальцах – настолько она проста.

В Интернете апориям посвящены целые сайты и форумы! Опровергают с пеной у рта. До сих пор. Физически, релятивистски, с формулами, с математическими выкладками, напрочь забывая о том, что, коль скоро аргументы Зенона понятны четырёхлетнему ребёнку, то и опровержение их должно быть столь же внятно и членораздельно.

Сам, знаете, грешен. По молодости лет пытался догнать черепаху всерьёз, потом стал над собой подтрунивать. Но и над Зеноном тоже. Скажем, так:

«Допустим, что за пятнадцать минут Ахиллеса бега черепаха проползает всего одну минуту времени...»

«Пока Ахиллес достигнет точки, в которой находилась черепаха, время успеет настичь его бесчисленное множество раз».

«На самом деле Ахиллес гонится не за черепахой, а за упущенным временем».

В последней фразе ирония плавно перетекает в истерику, не находите?

2.

Но и лучшие умы человечества тоже, знаете ли, хороши!

Возражения Аристотеля кратки и небрежны. Брезгливы, как показалось Борхесу. Менее склонный к трепету перед авторитетом Пьер Бейль высказывался куда жёстче: «Ответ Аристотеля жалок: он говорит, что фут материи бесконечен лишь потенциально...». Дей-

ствительно, такое впечатление, будто Стагирит просто-напросто отмахнулся от проблемы. Его спросили, догонит ли Ахиллес черепаху, а он принялся растолковывать, почему нельзя шинковать отрезок до бесконечности. Обычная адвокатская увёртка – ответ не по существу вопроса. Иначе, сами понимаете, пришлось бы ухлопать на опровержение апорий всю жизнь, так ничего в итоге и не опровергнув.

Что касается возражений, выходящих за рамки логики, то их и возражениями-то назвать трудно. Так, знаменитый променад Диогена перед одним из учеников Зенона был явно избыточен, поскольку противник киника, отстаивая невозможность движения, и сам наверняка открывал рот, шевелил языком, даже, возможно, жестикулировал.

Как тут не вспомнить знаменитую в своё время пародию Дмитрия Минаева на барона Розенгейма, не иначе навеянную Пушкинским «Движением»:

Если в жизни застой обличитель найдёт,
Ты на месте минуты не стой,
Но пройди по комнате взад и вперёд
И спроси его: где же застой?

Я, кстати, не убеждён в том, что сам Зенон, как пишет о нём тот же Пьер Бейль, «горячо выступал против существования движения». Прежде всего в этом заставляет усомниться бурная биография философа. Пытаться свергнуть тирана, выдержать пытку, прикинуться, будто согласен сообщить по секрету имена сообщников, в результате откусить узурпатору ухо – и всё это как бы пребывая в неподвижности? Конечно, теория часто расходится с практикой, но не до такой же степени! Кроме того, по свидетельству античного автора, Зенон учил, что «природа всего сущего произошла из тёплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга». Недвижное превращение? Тоже, знаете ли, неувязочка...

Ах, если бы он и впрямь всего-навсего утверждал, что движения нет! К сожалению, Зенон Элеат доказал кое-что похуже: логика и здравый смысл – несовместимы. Наш главный инструмент познания, которым мы так гордимся, ни к чёрту не годен. Или, может быть, годен, но для другого мироздания.

Мышленья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой не понял – стал пред ним ходить.

Две с половиной тысячи лет истекло, а Ахиллес всё никак не догонит черепаху...

Если враг не сдаётся и не уничтожается, к нему начинают подлизываться. И вот уже читаем в словаре следующий комплимент: «обнаруживающие необъяснимую для того времени диалектическую противоречивость движения». Это про них – про апории Зенона.

Даже Владимир Ильич Ленин – при его-то вере в мощь человеческого разума – вынужден был признать: «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий».

Действительно, как?

Громоздят философы термин на термин, один другого краше да заумнее, а Ахиллес всё бежит, бежит...

3.

Бранить философию легко и приятно. Всё равно что бранить интеллигенцию – никто не вступится. Даже обороняться не станет, поскольку это, согласитесь, не комильфо. С логикой, однако, такой номер не пройдёт. Лица, главным своим достоинством почитающие именно

логическое мышление, в уязвлённом состоянии бывают не просто опасны, а весьма опасны. Сталкивался, знаю.

И тем не менее...

В руках у меня учебник логики для юридических вузов. Странное дело: такую относительно простую штуку, как равномерное прямолинейное движение мы (см. выше) в логике понятий выразить не можем, а путаницу человеческой жизни – пожалуйста! Но, с другой стороны, что тут странного? Логику-то как науку основал не кто-нибудь, а именно Аристотель, отмахнувшийся в своё время от неопровергнутых апорий Зенона.

Итак, учебник. С трепетом погружаемся в бездну премудрости. «Всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе». Натужно пытаюсь представить обратное. Тем не менее, если верить составителям, с помощью совокупности подобных приколов можно восстановить истинную картину происшествий и вычислить виновного.

Хотелось бы верить...

Если не ошибаюсь, Марк Твен первый высказал догадку, что все преступления, раскрытые Шерлоком Холмсом, были подстроены заранее самим великим сыщиком. Ладно, коли так. А ну как прав Антон Павлович Чехов, автор лучшего, в моём понимании, детектива всех времён и народов – рассказа «Шведская спичка»? Его вариант куда мрачнее и жизненнее: с помощью чистой дедукции двух подозреваемых прижали к стенке и уличили в убийстве, которого не было.

Дедуктивный метод требует жертв. Так что не стоит удивляться признанию американских юристов, будто в тюрьмах США содержится как минимум одиннадцать процентов совершенно невинных людей. Как минимум... Звучит пикантно. Сколько ж их сидит по максимуму?

«Лучшие русские юристы, – с уважением сообщает тот же учебник, – отличались не только глубоким знанием всех обстоятельств дела и яркостью речей, но и строгой логичностью в изложении и анализе материала, неопровержимой аргументацией выводов». Святые слова. Как тут не вспомнить нашумевший процесс Мироновича, когда три лучших русских юриста (Андреевский, Карабчевский, Урусов) неопровержимо аргументировали три взаимоисключающих вывода.

Мудры были наши пращурь, заставляя обвиняемого и обвинителя (или их доверенных лиц) сходиться в поединке: кто победил, тот и прав. Процент несправедливо осуждённых останется приблизительно прежним, зато сколько времени сэкономишь!

4.

Я бы рискнул определить Аристотелеву логику (в отличие от честной Зеноновой) как искусство примирения теории с практикой задним числом. Историческое событие или отдельное человеческое деяние сами по себе абсолютно бессмысленны. Логическую выстроенность они обретают только в словесном изложении. Вот и учебник местами проговаривается: «Выявить и исследовать логические структуры можно лишь путём анализа языковых выражений».

Кстати, о языковых выражениях: сколько лет живу на свете, а с простым категорическим силлогизмом, не отягощённым учетверением терминов, в живой устной речи ещё не сталкивался ни разу. Вдобавок создаётся впечатление, что, чем в меньшей степени речь поражена правилами логики, тем убедительнее она звучит.

– Давай (следует любое предложение)!

– Зачем?

– А просто!

И, как показывает практика, этот последний довод обычно бывает неотразим. Начнёшь обосновывать – всё испортишь.

Мало того, злоупотребляя умозаключениями, рискуешь оказаться вне коммуникации. Приведу навскидку два примера.

Первый. Работая выпускающим областной газеты, я заподозрил однажды, что сменная мастерица наборного цеха воспринимает не столько смысл того, что я ей безуспешно пытаюсь втолковывать, сколько интонацию, с которой всё это произносится.

Решил проверить. Подошёл с отрешённым лицом, понизив голос, спросил:

– Люда, а ты знаешь, что угол падения равен углу отражения?

Вы не поверите, но она побледнела, всплеснула руками:

– Да ты чо-о?!

Через секунду сообразила – и сконфуженно засмеялась.

Другой случай: в каком-то застолье проникся ко мне уважением некий тинейджер колоссальных размеров. Подсел, завёл беседу. Слушаю – и ничего не понимаю. Слова все знакомые, а мысль уловить не могу. Нету её. Нетути.

Так оно впоследствии и оказалось. Какая там мысль! Титанический мальчуган всего-навсего старался употребить как можно больше «умных» слов, с тем чтобы я проникся к нему ответным уважением. Видимо, имела место попытка освоить язык иного социального статуса.

Не везёт с собеседниками, говорите? Тогда послушайте, что сообщает Президент Международного общества прикладной психолингвистики Татьяна Слама-Казаку (Бухарест):

«...упомяну о некоторых высказываниях, лишённых научных оснований, но заставляющих размышлять о себе. Г. Тард (1922) приписывал изобретению слов эгоцентрические основания, считая, что язык создан ради праздной болтовни, или, по мнению О. Есперсена (1925), для выражения чувств, в частности эротически-любовных; П. Жане (1936) решительно защищал утверждение, что язык изобретён индивидами, способными командовать, и до сих пор служит этой цели; Стуртеван (1947, 1948) считал, что основная функция языка – ложь. Ведущий румынский психолог М. Ралея (1949) высказывал мнение, что основным свойством человеческой психологии, а следовательно, и языка, является симуляция».

А вы говорите: логика, логика...

5.

Есть ещё, правда, Наука (именно так – с прописной), но, обратите внимание, гуманитарные дисциплины, до сих пор использующие логику слова, а не логику формулы, мы за настоящие науки не держим – математики в них маловато. Что же касается точных наук, то не уверен, имеют ли они вообще отношение к человеческому мышлению и не являются ли переходной стадией к мышлению машинному.

Будучи по образованию гуманитарием, я привык относиться к математикам и физикам с паническим уважением. Так же, как к музыкантам. Они для меня вроде пришельцев, иной разум. Тем большую оторопь наводят высказывания учёных мужей, из которых явствует, что и точные науки с логикой, мягко говоря, не ладят.

«Эксперт – это человек, который совершил все возможные ошибки в очень узкой специальности». Нильс Бор.

«Фундаментальные исследования – это то, чем я занимаюсь, когда я понятия не имею о том, чем я занимаюсь». Вернер фон Браун.

«Фундаментальные исследования – примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух, и там, где она упадёт, рисовать мишень». Адкинз Хоумер.

Вам не кажется, что во всех приведённых изречениях присутствует нечто от апорий Зенона? Особенно в последнем.

Да и сами логики сплошь и рядом не отказывают себе в удовольствии осмеять своё ремесло. Так, профессор Рэймонд М. Смаллиан с откровенным наслаждением цитирует глумливое определение Тербера, автора не читанного мной романа «Тринадцать часов»: «Поскольку можно прикоснуться к часам, не останавливая их, то можно пустить часы, не прикасаясь к ним. Это – логика, какой я её вижу и понимаю».

Когда рассказывают о каком-либо открытии, речь почему-то всегда идёт только об интуиции. «И гений, парадоксов друг». (Парадокс, напоминая, не что иное как формально-логическое противоречие). Менделеев даже имел мужество признаться, что периодическая таблица элементов есть результат дурного сна.

Серьёзные учёные, как видим, позволяют себе относиться к науке скептически. Здоровый профессиональный цинизм. А вот недоучки, имя которым легион, за одну только осторожно высказанную мысль, что точные дисциплины тоже не слишком-то подвержены логике, могут схватиться за дреколье:

– Ка-ак это не подвержены? А мой компьютер! А мой «шестисотый»!

Они так гордятся прогрессом железяк, что можно подумать, будто это их собственный прогресс.

Подозреваю однако, что первый каменный топор, скорее всего, создавался без чертежей, расчётов и логических выкладок. Методом тыка. Ныне этот метод усовершенствован и носит имя глубоко научного тыка. Кроме того, не будем забывать, что техника занимается не столько познанием мира, сколько его покорением. Действительно, зачем познавать, если можно и так покорить? В крайнем случае, уничтожить.

Нет мира – нет проблемы.

6.

То, что человеческое мышление в логической своей ипостаси чуждо не только вселенной, в которой человек обитает, но и самому человеку, отрицать трудно. Об этом можно только забыть, чем мы, собственно, и занимаемся всю жизнь, пока смерть не придёт и не напомнит.

Забавно: мышление наше чуждо даже самому себе. Кромешное самоопровержение, парадокс на парадоксе. «Мысль изречённая есть ложь», – сказал Тютчев, закрутив беличье колесо дурной бесконечности (получается, ложь ты изрёк, Фёдор Иванович, да и я о твоей лжи тоже сейчас солгал).

Вот и Пиррон о том же...

Философия – заведомо неудачная попытка притереть разум к мирозданию. Не притирается.

Читатель, вероятно, уже решил, что дело клонится к очередному декрету национал-лингвистов – на сей раз об отмене формальной логики. Вынужден вас разочаровать: какой смысл отменять то, что мы используем только на экзамене по указанному выше предмету?

Нет, я всего-навсего хотел бы поделиться некой безумной догадкой, снимающей тем не менее все вопросы разом.

Что, если апории Зенона, как, впрочем, и остальные парадоксы логики, имеют нравственную подоплёку?

Судите сами: допустим, догонит Ахиллес черепаху. И что он с ней тогда сделает? Боюсь, ничего хорошего. Моральный облик Пелеева сына достаточно подробно дан в «Илиаде»: надругательство над трупом Гектора, припадки безудержного гнева, пренебре-

жение интересами Эллады ради личной выгоды, более чем подозрительные отношения с Патроком... И вот наш разум, цепенея при одной только мысли о дальнейшей судьбе медлительной рептилии, судорожно отодвигает беззащитную зверушку всё дальше и дальше от преследующего её убийцы и извращенца.

Здравый смысл беспощаден. Логика гуманна.

7.

Да, но не означает ли это, что логическое мышление является инстинктивным отторжением мира с его жестокими и безнравственными законами? Ни в коей мере! Напротив. Неуклонное следование правилам есть, как известно, неотъемлемое свойство любой логики.

Стало быть, отнюдь не логика, но само мироздание нарушает предписанные ему законы, что и было доказано Зеноном со всей очевидностью ещё в пятом веке до Рождества Христова.

Наша вселенная по сути своей криминальна. В ней царит полный беспредел, освящённый конформистской логикой Аристотеля, чей «Органон» являет собой позорный пакт с преступной окружающей действительностью.

Оглянитесь окрест себя. Разве не то же самое пренебрежение к законам мы наблюдаем сейчас в жизни социума? «Почему нельзя украсть? – недоумевает нормальный средний россиянин. – Никто же не видит! Могу – значит можно».

Неумышленно или осознанно, но он подменяет деонтическую модальность алетической, превращая тем самым благородный порядок логики в суетливый и алчный хаос здравого смысла.

Вот точно так же и с материей. «Почему нельзя? – спрашивает она себя. – Могу же...»

Возможно, всё дело тут в размерах мироздания: за каждой молекулой не уследишь – и, пользуясь этим, они напропалую учиняют коллективное правонарушение, стыдливо именуемое броуновским движением частиц.

Материи не положено двигаться.

Тем не менее материя движется.

Когда-нибудь она за это ответит.

2004

Взгляд со второй полки

1

«Терпеть не могу фантастику!» Помнится, в златые годы застоя произносилось это сплошь и рядом, причём примерно с той же интонацией, что и фраза: «Я порядочная девушка, сударь!»

Не помню, однако, случая, чтобы кто-нибудь столь же решительно высказался о детективе или, допустим, о производственном романе. Вот я пытаюсь изречь со сдержанным негодованием: «Терпеть не могу историческую прозу!» – и, знаете, выходит ненатурально... Ну, «не люблю», ну, «не нравится»... Но чтобы вдруг с таким пафосом!

Похоже, фантастика в отличие от остальной литературы вызывала и вызывает в рядовом читателе исключительно сильные чувства: не влюбился – стало быть, возненавидел.

Да, но причины, причины?

С тех пор как я перешёл в сословие авторов, собеседники меня щадили. Вроде бы даже извинялись: «Ну, не понимаю я фантастики...» Однако ситуацию это не проясняло ни в малейшей степени. Во-первых, фраза типа «Ну, не понимаю я публицистики...» прозвучала бы так же дико, как и «Терпеть не могу историческую прозу!» А во-вторых, и без того давно уже известно, что именно непонимание является причиной ненависти.

Не устояв перед соблазном бинарного анализа, многие из великих и малых мира сего обожали распределять человечество по двум полкам. И их можно понять: когда третьего не дано, картина мироздания становится умирительно стройной. Колридж, например, заметил, что все люди рождаются последователями либо Аристотеля, либо Платона. Американский логик Смаллиан утверждает, что по образу мышления каждый из нас либо физик, либо математик.

Что ж, сунемся и мы с суконным рылом в калашный ряд. Мне вот тоже мерещится, что всех встреченных мною людей можно распределить по двум полкам. На первой окажутся те, для кого реалии этого мира важны как таковые. На второй же возлягут те, кого более интересуют не столько сами реалии, сколько отношения и связи между ними.

Попробую привести пример. Для первых добро есть добро, зло есть зло – какие ж тут сомнения? А вот вопрос «Почему это добро и зло в определённых ситуациях идут рука об руку и ведут себя совершенно одинаково?» может посетить только человека со второй полки, на которой я, кстати, валяюсь уже не первый год и, что характерно, на тесноту ещё не жаловался ни разу.

2

Полемика между обитателями первой и второй полки невозможна в принципе. Они просто не поймут друг друга. Дело даже не в разной терминологии – мышление разное. В молодые годы это меня, помнится, изрядно озадачивало: битый час, бывало, неистово что-то доказываешь, оба охрипли – и ты, и он, пена уже на губах, а спор – ни с места. Плюнешь наконец и отойдёшь в досаде. Вот ведь какой дурак попался твердолобый! А он не дурак, он просто с другой полки.

«Распалась связь времён...» Вся прелесть в том, что для обитателей первой полки она никогда и не возникала. Каждое явление представляется им как бы само по себе, и поэтому, чтобы сохранить рассудок в годы перемен, её обитатели обычно прибегают к склерозу. Мит-

рополит напрочь забывает о том, что когда-то был замполитом. А пламенному революционеру лучше не напоминать о тех временах, когда он служил в охране. Картина, впрочем, дьявольски усложняется тем, что любой из нас в процессе беседы так и норовит перебраться с полки на полку. Смотря о чём зашла речь.

Я уже не говорю о тех случаях, когда человек со второй полки сознательно прикидывается по необходимости обитателем первой. В качестве примера сошлюсь на публичные выступления тех же политиков.

3

Для большинства людей с первой полки в художественном произведении важна прежде всего правда. Иногда они уточняют: жизненная правда. Идеал, разумеется, – документальная проза. Мысль, что документы лгут столь же часто, как и очевидцы, в голову им, естественно, не приходит. Известие о том, что никакой Анны Карениной никогда на свете не было, обитатели первой полки либо воспринимают с откровенным недоверием и стараются забыть при первом удобном случае (склероз!), либо поспешно ставят знак равенства между персонажем и прототипом.

Естественно, что фантастика для них – это вранье и выдумка. Мало того: опасная выдумка, посягающая на привычный порядок вещей, а стало быть, и на душевное равновесие читателя.

Сказано, однако, что «мысль изречённая есть ложь». Так вот с этой точки зрения фантастика куда честнее реализма. Самим названием своим она заранее предупреждает, что речь пойдёт о событиях вымышленных. Реализм же, уверяя, будто всё изложенное автором – святая правда, лжёт дважды.

Хотя, знаете, есть одно такое приворотное зелье, с помощью которого можно в два счёта присушить обитателя первой полки к не любимой им фантастике. Нужно объявить, что предложенная вниманию история имела место в действительности. Всего-навсего. Единственное условие: текст должен быть по возможности безлик и бездарен, ибо это, согласно представлениям людей с первой полки, и есть основной признак всякой правды.

4

Грешен – люблю, знаете, потревожить изначальный смысл того или иного слова. Вспомнишь, к примеру, что демагог – это по-гречески народный вождь, и душевная болезнь как-то сразу идёт на убыль...

Так вот, если вспомнить, что реалия по латыни это всего-навсего вещь, то смысл термина «реализм» проясняется до членораздельности. Вещественность, господа, вещественность. Просто умелое (или неумелое) описание реальных, о которых мы привыкли думать, что они и впрямь существуют.

Но для обитателя первой полки это-то и является главным. Он проглотит не поперхнувшись любую, даже самую чудовищную ложь, если та будет обильно приправлена вышеупомянутыми реалиями. Он даже способен поверить в честного сотрудника МВД, уволенного из органов за излишнюю принципиальность и с тех пор ведущего на свой страх и риск бескомпромиссную борьбу с коррупцией и преступностью. И как не поверить! Герой ходит по улицам (названия прилагаются), стреляет в мерзавцев из «Макарова», иногда его даже презаряжая. Всё как в жизни.

Для реалиста существенно передать, как этот мир выглядит. Фантасту же важно понять, как этот мир устроен.

«Ну да! – возразите вы. – А реалисту разве не важно?»

Бывает, что и важно, но тогда человек с первой полки немедленно начинает ныть, что Достоевский – писатель тяжёлый и мрачный.

5

Было бы неверно думать, что на первой полке собрались одни лишь ярые ненавистники фантастической прозы. Есть среди них (правда, в меньшем количестве) и ярые её сторонники. Люди с первой полки вообще в большинстве своём придерживаются крайних взглядов. Середины для них не бывает.

Иное дело обитатели второй полки. Для них принципиальной разницы между реализмом и фантастикой зачастую нет вообще. Реалии могут быть привычными читателю (Тургенев), могут быть целиком и полностью вымышленными (Данте), наконец, и те, и другие могут мирно соседствовать в пределах одного повествования (Гоголь). Главное, ей-богу, не в этом...

А вот для обитателей первой полки разница очевидна. Поэтому ни детектив, ни женский роман у них протеста не вызовут, ибо все эти направления суть разновидности реализма. (А что тут возразишь? Реалии-то – вот они!)

С исторической прозой и вовсе забавно. Чем она отличается от альтернативной истории, никто даже объяснить не берётся. Исторические документы лгали, лгут и будут лгать, поскольку составляются людьми, и какой из них ни положи в основу повествования, всё равно в итоге получится фантазия на темы прошлого.

Ох уж эти мне реалии! Ну вот, допустим, изобразил я участкового с двуглавым орлом на фуражке. Реализм? Реализм, господа. Вон их сколько таких за окном! И все с орлами... А напиши я то же самое до 1991-го года? А вот тогда, товарищи, это была бы дерзкая, чтобы не сказать – злопахательская фантастика (то есть, иными словами – тот же самый реализм, только еще не опошленный действительностью).

А теперь пришло время выдать страшную тайну. Делаю это со спокойным сердцем, поскольку предвижу, что разглашение её никаких последствий не повлечёт. На первой полке отмахнутся и забудут, на второй пожмут плечами: подумаешь, дескать, новость!

Так вот...

Господа! Всякий текст (включая цифры финансовых отчётов) – это фантастика чистой воды! Просто не всякий автор имеет мужество признаться в том, что он фантаст.

6

Бедные, бедные обитатели первой полки! Сколько им пришлось пережить потрясений за те несколько лет, когда добро внезапно объявлялось злом и наоборот, а жизнь за окном стремительно меняла ориентацию, шарахнувшись вдруг из соцреализма в самую оголтелую фантастику во всем ее многообразии – от альтернативной истории до лютого хоррора!

Впрочем, наш взбаламученный социум, кажется, отстаивается помаленьку, крыши у людей с первой полки возвращаются в исходную позицию, и скоро, глядишь, победное речение «Терпеть не могу фантастику!» вновь зазвучит в народе с прежней силой.

1998

Враньё, ведущее к правде

Теперь я вижу, что был прав в своих заблуждениях.
Великий Нгуен

Умру не забуду очаровательное обвинение, предъявленное заочно супругам Лукиным в те доисторические времена, когда публикация нашей повестушки в областной молодёжной газете была после первых двух выпусков остановлена распоряжением обкома КПСС. «А в чём дело? – с недоумением спросили у распорядившейся тётеньки. – Фантастика же...» «Так это они говорят, что фантастика! – в праведном гневе отвечала та. – А на самом деле?!»

Помнится, когда нам передали этот разговор, мы долго и нервно смеялись. Много чего с тех пор утекло, нет уже Любви Лукиной, второе тысячелетие сменилось третьим, а обвинение живёхонько. «Прости, конечно, – говорит мне собрат по клавиатуре, – но никакой ты к чёрту не фантаст». «А кто же я?» – спрашиваю заинтригованно. Собрат кривится и издаёт бессмысленное звуко сочетание «мэйнстрим».

Почему бессмысленное? Потому что в действительности никакого мэйнстрима нет. По моим наблюдениям, он существует лишь в воспалённом воображении узников фантлага и означает всё располагающееся вне жилой зоны. Можно, правда, возразить, что и окружающая нас реальность не более чем плод коллективного сочинительства, но об этом позже.

Не то чтобы я обиделся на собрата – скорее был озадачен, поскольку вспомнилось, как волгоградские прозаики (сплошь реалисты), утешить, наверное, желая, не раз сообщали вполголоса, интимно приобняв за плечи: «Ну мы-то понимаем, что никакой ты на самом деле не фантаст».

– А кто?

Один, помнится, напряг извилины и после долгой внутренней борьбы неуверенно выдал:

– Сказочник...

Услышав такое, я ошалел настолько, что даже не засмеялся.

Впрочем, моего собеседника следует понять: термин «мистический реализм» (он же «новый реализм») используется пока одними литературоведами, да и то не всеми, а слово «фантастика» в приличном обществе опять перешло в разряд нецензурных. Недаром же, чуя, чем пахнет, лет десять назад несколько мастеров нашего цеха предприняли попытку отмежеваться, назвавшись турбореалистами.

Тоже красиво...

Так вот о мистическом реализме. Если в Америке и Англии, по словам критиков, сайнс-фикшн и фэнтези традиционно донашивают лохмотья «серьёзной» литературы, то у нас всё обстоит наоборот: нынешние модные писатели – зачастую результат утечки мозгов, так сказать, эмигранты жанра. А то и вовсе откровенные компиляторы, беззастенчиво обдирающие нас грешных, выкраивая из обдирок собственные эпохальные произведения.

Что ж, бог в помощь. Хотелось бы только знать, чем в таком случае этот таинственный мистреализм принципиально отличается от фантастики? Кроме брэнда, конечно.

Задав подобный вопрос литературоведу, вы сможете насладиться стремительной сменой цвета лица и забвением слова «дискурс» (вообще, когда авторитет теряется до такой степени, что забывает феню и переходит на общепринятый язык, знайте, вы угодили в точку).

– Да как вообще можно сравнивать Булгакова и...

Если же вы будете упорны в своей бестактности, учёный муж (жена) нервно объяснит, что мистический реализм – это когда талантливо, а фантастика – это когда бездарно.

Такое ощущение, что господа филологи добросовестно прогуляли курс лекций по введению в литературоведение. Классификацией, напоминая, занимается теория литературы, а качество того или иного произведения оценивает критика.

Впрочем, попытки подойти к проблеме с позиций теории, как выяснилось, также приводят к результатам вполне умопомрачительным. Так мне рассказали недавно, что московские литературоведы, с лёгкостью вычленив отличительные (типологические) признаки детектива и любовного романа, споткнулись на фантастике. Не нашлось у неё ярко выраженных отличительных признаков. И знаете, какое из этого проистекает заключение? Фантастики нет. Нету нас. Нетути.

Встречу в следующий раз собрата по клавиатуре – непременно покажу ему язык.

* * *

Год этак семидесятый. Лекция. Преподаватель пластает романтизм. Представители данного направления, сообщает он, отвергали обыденность, видя выход в иной реальности, в иных временах. Мрачные реакционные романтики идеализировали прошлое, уходили в мистику. Прогрессивные верили в будущее. Был, правда, автор, стоящий особняком, его трудно отнести и к тем, и к другим. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Явный романтик, но для реакционного слишком светел, а с другой стороны и от грядущего ничего доброго не ждал. Герой его обретает счастье в Атлантиде (не исключено, что сходит с ума).

Хорошо, что я тогда не задал вопрос: «Так может, это фантастика?» Выволочка за неприличное слово наглецу-студизусу была бы гарантирована.

А почему, собственно, неприличное? Открой энциклопедию, прочти: «Фантастика – форма отображения мира, при которой на основе реальных представлений создаётся логически несовместимая с ними („сверхъестественная“, „чудесная“) картина Вселенной».

Отменно сказано. Единственное сомнение: не подскажите ли, которое именно отображение мира считать, по нашим временам, соответствующим действительности? Ведь не исключено, что в будущем сегодняшняя публицистика не только покажется, но и окажется фантастикой. Как, скажем, случилось с публицистикой советской эпохи.

Белинский, однако, одиозного ныне термина не чурался:

«„Портрет“ есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде. Здесь его талант падает, но он и в самом падении остаётся талантом».

И далее:

«Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем даётся г. Гоголю, и мы вполне согласны с мнением г. Шевырёва, который говорит, что „ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нём есть какая-то неопределённость; если же вы в призраке умеете разглядеть слизистую пирамиду, с какими-то челюстями вместо ног и языком вверх, тут уж не будет ничего страшного, и ужасное переходит просто в уродливое“».

Поругивал, как видим, но хотя бы честно называл вещи своими именами. Нынешние белинские такого непотребства ни за что себе не позволяют.

– «Божественная комедия», – отбивается низкими обиходными словами припёртый к стенке литературовед, – не имеет отношения к фантастике, потому что Ад, Чистилище и Рай считались реально существующими.

– Позвольте, любезнейший! Тогда к ней не имеет отношения и «Туманность Андромеды», поскольку светлое коммунистическое будущее тоже считалось неизбежной реальностью.

– Да, но Алигьери-то верил не в будущее, а в вечное!

– Не вижу принципиальной разницы. Оба верили в то, что не может быть подтверждено опытом.

– Простите, но «Туманность Андромеды» – научная фантастика. – Слово «научная» произносится с заметным отвращением.

– А у Данте не научная? Помнится, мироздание у него скрупулёзно выстроено по Птолемею...

– Да как вы вообще можете сравнивать Данте и...

Короче, смотри выше.

Зато, если вдруг филолог очаруется невзначай творчеством какого-либо фантаста, тут и вовсе начинается диво дивное, сопровождаемое немыслимыми терминологическими кульбитами.

– Лем? Какой же это фантаст! Это философ...

– Бредбери? Но он же лирик...

Прибавь мне бог ума и терпения – обязательно составил бы и опубликовал сборник «Верования и обряды литературоведов».

* * *

Раньше казалось, будто всё дело в слове «научная», пока не обнаружилось, что термин «фэнтези» вызывает у паразитов изящной словесности не меньшее омерзение. Мало того, даже непричастность к какому-либо из этих двух направлений (фэнтези и НФ) ни от чего не спасает. Знаю по собственному опыту. Несмотря на утешения писателей-почвенников и на попытки собрата по клавиатуре, так сказать, проверить каинову печать на контрафактность, погоняло «фантаст» прилипло ко мне намертво. Собственно, я не против. А за термин обидно. Что делать, стилистическая окраска имеет обыкновение со временем меняться. Ну кто из нынешней молодёжи поверит, к примеру, что арготизм «попса» в юных розовых устах когда-то звучал гордо и ни в коем случае не презрительно? О слове «демократия» и вовсе умолчу...

Вот и с фантастикой та же история.

Одно утешение – Фёдор Михайлович Достоевский. Уважал, уважал классик гонимое ныне слово:

«В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический».

«Что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности?»

Или такой, скажем, комплимент:

«Сердце имеет – фантаст».

И наконец главная жемчужина:

«Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп».

Предвижу вопль: да он же не о той фантастике говорил! Так и я не о той. Не о драконах, не о бластерах. Для нас с Белкой (Любовью Лукиной) все эти вытребенки самостоятельной ценности никогда не имели. Мало того, не относясь к читателям, для которых антураж важнее сути, не видели мы подчас и принципиальной разницы между НФ и, допустим, производственным романом. В первом случае коллектив доблестно достигал субсветовых скоростей, во втором не менее доблестно выходил на заданные производственные мощности. Спрашивается, зачем гравилёт городить, когда можно обойтись прокатным станом!

Скорее нам казались фантастическими рассказы Шукшина, где роль зелёного инопланетянина с рожками или чёртика с хвостиком исполнял откровенно выдуманный чудик или бывший зэк, тоже, как правило, сильно выдуманный. Стоило этим странным персонажам влезть в действие, как человеческие взаимоотношения начинали выворачиваться наизнанку, представая в самом невероятном и причудливом виде.

Фантастика для нас была не более чем ключиком к реальности. Иногда отмычкой. А то и вовсе ломиком. Фомкой.

То есть набором приёмов.

Возможно, этим и была вызвана та изумительная фраза разгневанной тётеньки из обкома.

То, что жизнь сама по себе достаточно фантастична, выяснилось гораздо позже. Достаточно сопоставить две обычно разобщаемые области нашего бытия – и вот вам фантазмагория в чистом виде. Бери и пользуйся.

Поясню на примере. В рассказике «Серые береты» нет исходного фантастического допущения. Я действительно ловил мышонка – и мышонок оказался умнее. По телевизору действительно показывали сюжет о мышах, участвовавших в Великой Отечественной. Мне оставалось лишь совместить два эти факта.

Если кто-то успел вообразить, что в данной статье я намерен осчастливить читателя анализом литературных направлений, пусть вздохнёт с облегчением. Отделять пшеницу от плевел бесполезно, ибо слово «фантастика» сейчас нецензурно во всех своих смысловых ипостасях.

Я даже не собираюсь защищать его от нападок.

И знаете, почему?

Потому что лучшая защита – это нападение.

Начнём с криминальной субкультуры литературоведов.

* * *

Её преступная сущность очевидна и легко доказуема. Настораживает уже тот факт, что литературоведение ничем не способно помочь автору. Эта лженаука не имеет ни малейшего отношения к процессу писанины и годится исключительно для разбора законченных произведений. Или, скажем, не законченных, но уже намертво прилипших к бумаге и утративших способность к развитию.

Знаменательно, что сами литературоведы опасаются иметь дело с живыми авторами, дабы тайное надувательство не стало явным. Примерно по той же причине большинство натуралистов предпочитает быть неверующими – иначе им грозит полемика с Творцом. Как провозгласил однажды в припадке циничной откровенности мой знакомый, ныне завкафедрой литературы: «Выпьем за покойников, которые нас кормят!» Недаром же старик Некрасов при виде аналогичной сцены воскликнул в ужасе: «Это – пир гробовскрывателей! Дальше, дальше поскорей!»

Ещё в меньшей степени литературоведение необходимо простому читателю. Этот тезис я даже доказывать не намерен. Скажу только, что читающая публика для учёных мужей и жён – не менее досадная помеха, чем автор, поэтому всё, что публике по нраву, изучения, с их точки зрения, не достойно.

Итак, городская субкультура литературоведов криминальна уже тем, что никому не приносит пользы, кроме себя самой, то есть паразитирует на обществе и тщательно это скрывает.

Способ мошенничества отчасти напоминает приёмы цыганок: неустанно убеждать власти в том, что без точного подсчёта эпитетов в поэме Лермонтова «Монго» всё погибнет окончательно и безвозвратно, а запугав, тянуть потихоньку денежки из бюджета. Навар, разумеется, невелик, с прибылями от торговли оружием и наркотиками его сравнивать не приходится, но это и понятно, поскольку литературоведы в уголовной среде считаются чуть ли не самой захудалой преступной группировкой. Что-то среднее между толкователями снов на дому и «чёрными археологами».

Само собой, изложив просьбу раскошелиться в ясных доступных словах, на успех рассчитывать не стоит. Что казна, что предполагаемый спонсор – фраера порченные, их так просто не разведёшь. Поэтому проходимцами разработан условный язык, специальный жаргон, употребляемый с двумя целями: во-первых, уровень владения им свидетельствует о положении говорящего во внутренней иерархии, во-вторых, делает его речь совершенно непонятной для непосвящённых. Последняя функция создаёт видимость глубины и производит на сильных мира сего неизгладимое впечатление. Услышав, что собеседник изучает «гендерную агональность национальных архетипов», сомлеет любой олигарх, ибо сам он столь крутой феней не изъяснялся даже на зоне.

Глядишь, грант подкинет.

Заметим походя, что упомянутый жаргон в последние годы тяготеет к расслоению. В то время как стоящие одной ногой в прошлом «мужики» продолжают ботать по-советски, демократически настроенные «пацаны», норовя обособиться, спешно изобретают и осваивают новую «филологическую музыку».

Подобно любой другой криминальной субкультуре литературоведение характеризуется следующими признаками: жесткая групповая стратификация, обязательность установленных норм и правил, в то же время наличие системы отдельных исключений для лиц, занимающих высшие ступени иерархии, наличие враждующих между собой группировок, психологическая изоляция некоторых членов сообщества, использование в речи арго (список признаков позаимствован из работы Ю.К. Александрова «Очерки криминальной субкультуры»).

Да и клички у них вполне уголовные: «Доцент», «Профессор».

Кстати, согласно неофициальным данным, именно преступная группировка литературоведов, контролировавшая в конце девятнадцатого столетия город Лондон, натравила британские власти на Оскара Уайльда, причём не за гомосоциализм, как принято считать, а за то, что в предисловии к «Портрету Дориана Грея» он разгласил их главную, пуще глаза оберегаемую тайну: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

И это всё о криминальной субкультуре литературоведов.

* * *

Тэк-с. С одним обидчиком разделался играючи. С другим – сложнее. Как уже отмечалось в эссе «Взгляд со второй полки», чем сильнее закручиваются гайки властями, тем пренебрежительнее относится обыватель к моему ремеслу. А ведь ещё совсем недавно, в смутные времена, тихий был, пуганный, фантастику на всякий случай боязливо уважал: чёрт её знает, вдруг она тоже правда! Теперь же, видя признаки наступающего порядка (вот и поезда опаздывать стали, и продавщицы хамить), приободрился наш цыплёнок жареный, голосок подал, вспомнил, как клювик морщить.

– Привет фантастам! – развязно здоровается он со мной на улице.

Прижмёшь его в споре – тут же найдётся:

– Конечно! Ты же у нас фантаст...

А сам, между прочим, налетев на неожиданность, каждый раз ахает: «Фантастика!» – не понимая, что одним уже восклицанием этим лишает себя морального права упрекать одноимённое литературное направление за отрыв от жизни.

Предстоящая мне задача непроста: доказать – и не просто доказать, а объяснить на пальцах всем недоброхотам фантастики, что их «реальная жизнь» не меньший, а то и больший вымысел. Собственно, я уже высказывался на эту тему и не однажды, но, боюсь, выпады мои неизменно воспринимались в юмористическом ключе. Поэтому на сей раз я постараюсь подойти к делу по возможности серьёзно. Заранее прошу простить меня за чрезмерное

увлечение подробностями, но, как говаривал один мой друг-газетчик, репортаж есть набор свидетельств, что ты был в данное время в данном месте.

Начнём, благословясь.

Севастополь. Пироговка. Акации с шипами, роскошными, как олени рога, двухэтажные дома из инкерманского камня. Мне одиннадцать лет. Пыльные сандалии, просторные синие трусы, оббитые ороговевшие коленки. В одном из дворов – налитый до краёв бассейн: круглый, метровой высоты. Зачем он там, сказать трудно. Видимо, на случай пожара. Для купания грязноват, а запускать кораблики – в самый раз.

Шагах в десяти от меня на бетонной (а может, кирпичной, но оштукатуренной) стенке бассейна, стоя на коленях, пытается достать прутиком свою парусную дощечку самый младший из нашей оравы – девятилетний Вовка Брехун. Кличка обидная и несправедливая. Плакса, ябеда, маменькин сынок, но почему Брехун? Уж кто горазд врать – так это я. Приехал из Оренбурга и пользуюсь этим вовсю: рассказываю взахлёб, как плавал по Уралу в прозрачной подводной лодке и ловил под землёй недобитых фашистов. Поди проверь! Однако разнузданное воображение ни у кого из пацанвы протеста не вызывает, поэтому прозвище у меня вполне уважительное – Аримбург (орфография выверена по надписи на асфальте).

И вот, силясь дотянуться прутиком до кораблика, Вовка Брехун внезапно теряет равновесие и летит торчком головой в мутный желтоватый с прозеленью омут. Оторопь, затем восторг. Мальчишеский, злорадный. Ох, достанется сегодня Брехуну! Ему ж мамочка к бассейну близко подходить не разрешает...

Однако дальше происходит нечто странное. Вместо грязной и мокрой головы на поверхность выскакивает ступня в сандалии, потом другая – и они как-то вяло принимаются шлёпать по воде. Что он делает, дурак! Ему же достаточно нащупать ногами дно и встать. Глубина, повторяю, метр.

Почему я не бросаюсь на помощь? А чёрт его знает! То ли срывает родительский запрет на купание в бассейне, где «всякая зараза плавает», то ли боязнь проявить героизм без санкции старших. Кроме того, не следует забывать, что Брехун – наименее значительное лицо в нашей компании, которого как-то и спасать неловко. Впрочем остальные ведут себя не лучше. Кричать, правда, кричим, но скорее ликующе, чем испуганно:

– Брехун тонет!..

Потом на бетонную стенку вспрыгивает рослый парень в светлых отутюженных брюках, белой рубашке, туфлях. Должно быть, за ним наблюдает его девушка, поскольку всё, что он делает дальше, красиво до невозможности. Чётко, как на соревнованиях по плаванию, он приседает, отведя руки назад, затем вонзается в воду «щучкой», хотя при его росте разумнее просто слезть в бассейн.

Чудом не вписавшись в дно, выпрямляется, весь мокрый, весь в какой-то дряни, и на руках его тряпично обвисает наш утопленник.

Нервы мои не выдерживают – и я со всех ног кидаюсь домой с потрясающей новостью: Брехун утонул!.. Ну, чуть не утонул!

Поступок опрометчивый: выслушав мой сбивчивый рассказ, наверняка оснащённый выдуманными по дороге душераздирающими подробностями, во двор мне вернуться не позволяют. А через некоторое время раздаётся звонок в дверь. На пороге – дворовые активисты: две вредные тётки («тёханки», как мы их называли) и не менее вредный мужичонка («дяхан»). Но, самое удивительное, сзади из-за их спин выглядывают оробело-сердитые лица пацанов.

Никакого свежего греха я за собой не ведаю, но, раз пришли, значит что-то натворил.

– Ваш сын, – торжествующе объявляет тёханка, – спихнул мальчика в бассейн...

Всё это настолько невероятно и несправедливо, что от обиды я ударяюсь в самый постыдный рёв, чем окончательно подтверждаю свою вину. Несколько дней меня не выпус-

кают гулять, все попытки оправдания пресекаются решительнейшим образом. Действительно, нельзя же врать и выкручиваться столь нагло и бесстыдно! Свидетелей-то – полон двор.

Наконец срок заключения истекает, и мне позволяют выйти из дому. Первым делом нахожу пацанов.

– Сквора! Гусёк! Ну вы же видели, что я никого не толкал...

Слушайте, они меня чуть не побили.

– Кто не толкал? Ты не толкал? Я видел! Гусёк видел! Ты же по стенке шёл мимо Брехуна – и вот так двумя руками в спину его толкнул...

Они не врали. Они были искренне возмущены моей неумелой попыткой заморочить им голову.

Испуганный, сбитый с толку, я тут же постарался забыть эту историю – и правильно сделал, потому что думать о таком, когда тебе всего одиннадцать лет, – это и с ума сойти недолго.

Что же произошло? Думаю, событие воссоздавалось следующим образом. Брехун упал в бассейн. Аримбург убежал. Почему убежал Аримбург? Испугался. Чего? Ну ясное дело, того, что столкнул Брехуна в бассейн. И вот в памяти пацанов складывается ясная чёткая картина – одна на всех: Аримбург идёт по стенке и двумя руками изо всех сил толкает в спину Брехуна. Допрашивай их с пристрастием, сличай показания – факт очевиден.

Понадобилось прожить жизнь, чтобы понять: любое наше воспоминание – о чём бы оно ни было – строится именно по приведённому выше образцу. Полагаю, что люди вообще гораздо искренней, чем о них принято думать. Они почти никогда не лгут, просто случившееся отпечатывается у каждого по-своему. И если бы только по-своему! И если бы только случившееся!

* * *

Однажды я спросил Сергея Синякина:

– Серёжа, а вот, скажем, выезжаешь ты на труп. У тебя пять свидетелей. И все они слово в слово показывают одно и то же...

Начальник убойного отдела задумался, но лишь на секунду.

– Ну, значит, успели уже друг с другом переговорить, – с уверенностью профессионала заключил он.

Страшное это дело – коллективная память.

Но и индивидуальная тоже хороша.

Недавно я с умилением напомнил Марине Дяченко, как любовался её дочкой в колыбельке: вся такая розовая, крохотная...

– А ты разве у нас в девяносто пятом был?

– Да, – отвечаю с гордостью. – Восьмого марта.

– Позволь, но Стаска родилась позже.

Секундное остолбенение.

– Минутку, минутку... – ошалело бормочу я. – Как же... Восьмое марта... девяносто пятый...

Это что же получается? Это получается, что в Киеве восьмого марта девяносто пятого года Маринка в упоении рассказывала мне о том, как прекрасен любой новорождённый младенец, а у меня, стало быть, из её слов сложилась иллюзия, будто бы... Да нет же, нет! Я ведь не только Стаску – я и кроватку запомнил, и комнату. Хотя это-то как раз просто: счастливые Серёжа с Мариной могли показать мне заранее подготовленную колыбельку и прочее.

И сам собой возникает вопрос: а вдруг меня и с Брехуном память подвела? Были же случаи, когда преступник, ужаснувшись содеянному, забывал всё напрочь!

Хорошая версия. Остроумная. Но, к сожалению, кое-что в ней представляется сомнительным. Вернёмся в Севастополь.

В том же году я преподнёс родителям ещё один подарочек – нечаянно поджёг строящийся жилой дом, уронив горящую спичку на тюк сухой прессованной пакли. Хорошо – без жертв обошлось. Из подвала нас вынесло с опалёнными бровями. Пожар тушили чуть ли не полдня. И всё помню. Помню, как, плача от раскаяния, выхватывал из-за пазухи и швырял оземь спичечные коробки и прочую пиротехнику, как умолял пацанов никому ничего не говорить, а они, обезумев, радостно вопили: «Раля Аримбургу!»

Что такое раля? «Раля» (она же «ролянка») представляла собой сколоченную из дощечек тележку на четырёх подшипниках – самодельный, оглушительно визжащий по асфальту прообраз нынешнего скейта. Бились мы на них немилосердно. Возможно, поэтому слово «раля» в нашем дворе употреблялось также в значении «хана», «амба», «капут»...

Видите, даже вопли пацанов могу дословно воспроизвести.

Поэтому как-то, знаете, маловероятно, что сбрасывание Вовки Брехуна в бассейн я с перепуту забыл, а поджог стройки запомнил в мельчайших подробностях, хотя для одиннадцатилетнего мальчишки он должен был представляться куда более грандиозным преступлением.

Обычно задумываться о таких вещах не позволяет инстинкт самосохранения. Нормальному обывателю прежде всего необходимо осознание собственной правоты, а какая, к чёрту, правота, если вдруг заподозришь, что все твои знания об окружающем мире не более чем миф, продукт коллективного или индивидуального творчества!

Легко предвидеть, многие (те самые, что видят в фантастике попытку разрушить привычный порядок вещей) огрызнутся примерно так: а может, ты просто с детства склеротик?

Возможно, возможно. Но тогда почему эти апологеты реальности, стоит ввязаться с ними спор, неизменно восхищаются (даже сейчас!) моей якобы изумительной памятью? И почему их собственные воспоминания разительно меняются с годами?

Так в брежневские времена дедушки моих знакомых поголовно гибли в боях с белогвардейцами, а дяди – защищая Советскую Родину от фашизма. Однако, стоило начаться перестройке, как те же самые дедушки оказались расстрелянными ЧК, а дяди сгинули в недрах ГУЛАГа. И ведь не врут – хоть на детекторе лжи проверяй. Видимо, всё это вместе и называется альтернативной историей.

Собственно, история другой и не бывает.

Как выразился персонаж того же Достоевского, «враньё всегда простить можно; враньё дело милое, потому что к правде ведёт. Нет, то досадно, что врут, да ещё собственному вранью поклоняются».

Кстати, хорошее определение литературного приёма, именуемого фантастикой: враньё, ведущее к правде. Однако обаятельнейший персонаж Фёдора Михайловича несколько смягчил выражения: когда речь заходит о правоте, а тем более о целостности мира и рассудка, собственному вранью не просто поклоняются – ему верят, самозабвенно и безоглядно. До возникновения зрительных и звуковых образов.

* * *

Боюсь, моя неотцентрированная аргументация зацепила рикошетом не только противников, но и некоторых любителей фантастики – из тех, что искренне полагают её выдумкой, созданной исключительно для их развлечения: «Позвольте, позвольте! Мы ж не в позапро-

шлом веке живём. Истинность или ложность свидетельств легко установить с помощью... да хотя бы камер слежения!»

Увы, камеры слежения лгут сплошь и рядом. Говорю вам это как поклонник бокса (наименее лицемерного из человеческих занятий). Одна камера при повторе эпизода утверждает, что удар пришёлся вскользь, другая – что в самую точку, третья – что удара не было вообще. Поэтому судьи и полагаются по старинке на собственные опыт и интуицию.

Как тут не вспомнить древнюю притчу о трёх слепцах, ощупывавших слона! Но ведь и зрячие ведут себя подобно слепым: один видит только ногу, другой – только хвост, третий – только хобот. И каждый готов ради правды взойти на эшафот.

Скажите, преувеличиваю? Как это можно, имея глаза, не увидеть?

А вот как.

Шли два приятеля, два взрослых человека мимо кинотеатра, где крутят старые фильмы, – и заметили на афише нестерпимо знакомое название. Картину эту они смотрели в детстве не раз и не два. Захватывающая была картина. Особенно заставлял содрогаться эпизод, когда из тумана выползло оружие величиной с фабричную трубу, выстрелом из которого злодей собирался разом уничтожить человечество. Перемигнулись приятели – и решили зайти поглядеть, над чем же это они обмирали от сладкого ужаса лет двадцать назад. Честно сказать, ждали разочарования. Однако после сеанса вывалились оба на улицу в полном восторге, изнемогая от хохота. То, что они по ребячьей наивности принимали за боевик, на поверку обернулось пародией. Причём самыми уморительными оказались именно те кадры, когда выезжала из тумана жуткая пушка. По стволу её, как теперь выяснилось, шествовал дворник с метлой – и подметал. К выстрелу готовил. А то, знаете, стояла в бункере, запылелась. Иными словами, пушку приятели в детстве – видели, дворника – нет. Не вписывался он в мировую катастрофу.

И обратите внимание, с какой восхитительной точностью укладывается приведённый случай в систему образов притчи: хобот – пушка, дворник – хвост, а слон – это кадр в целом.

Давно известно, что человек воспринимает окружающий мир в большей степени мозгом, нежели органами чувств. Вот почему мы столь часто слышим не то, что нам сказал собеседник, а то, что ожидали от него услышать.

Ещё одна тонкость. Возьмите любую анонимку. Если её автор не является потенциальным клиентом психушки, особого разгула фантазии в тексте вы не найдёте. Изложенные факты имели место быть, просто истолкованы они не в пользу жертвы. Механизм прост: каждый наш поступок непременно вызван не одной, а многими причинами. Иные из них достойны уважения, иные постыдны. Аноним всего-навсего перечисляет (с искренним, учтите, возмущением!) исключительно причины второго рода, и никакими камерами слежения вы его не опровергнете.

Полагаю, что в свете сказанного клевету вполне можно приравнять к альтернативной реальности.

* * *

Чем дальше в прошлое отодвигается событие, тем фантастичнее оно становится. И, чем большее количество людей, принимало в нём участие, тем грандиознее вымысел.

Известно, что история бывает двух видов: мифологическая (её мы знаем по школьным учебникам) и, условно говоря, фактическая (с ней можно встретиться в трудах профессиональных исследователей). Обе то и дело решительно противоречат друг другу. Исходя из того, что большинство населения знакомо только с мифом, харьковский фантаст Андрей Валентинов (Шмалько) предложил следующий рецепт: напиши всё, как было, и получится альтернативная история. На худой конец – криптоистория.

К сожалению, остроумный совет запоздал века этак на полтора. В конце шестидесятых годов девятнадцатого столетия увидела свет эпопея Льва Толстого «Война и мир», где автор, отрицая принцип изложения «с пошлой европейской, героичной точки зрения» и пытаясь восстановить истинный ход событий, по сути покусился на продукт коллективного творчества, чем до глубины души возмутил ветеранов. «Я сам был участником Бородинской битвы и близким очевидцем картин, так неверно изображённых графом Толстым, и переубедить меня в том, что я доказываю, никто не в силах, – бушевал А.С. Норов. – Оставшийся в живых свидетель Отечественной войны, я без оскорблённого патриотического чувства не мог дочитать этого романа, имеющего претензию быть историческим».

И ветерана можно понять. Дело даже не в том, что автор с маниакальной скрупулёзностью рушит одну за другой милые русскому сердцу легенды, – он ещё и подводит под это философскую базу.

«Когда человек находится в движении, – пишет граф, – он всегда придумывает себе цель этого движения».

Если же движение (читай: поступок) почему-либо не нравится человеку, он задним числом прекращает его в своей памяти:

«Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что всё это точно было. Да, может быть, и в самом деле было? Разве можно было разобрать в этой путанице, что было и чего не было?»

Не зря же один из персонажей романа «знал по собственному опыту, что, рассказывая военные происшествия, всегда врут».

Допустим, так оно и есть, но придать войне смысл возможно только с помощью вранья. Иначе станет обидно за державу. Однако граф беспощаден. История, совершенно справедливо заключает он, не соответствует описываемым событиям, поскольку основывается на ложных донесениях (см. выше):

«Ежели в описаниях историков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения исполняются по вперёд определённом плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны».

Достаётся и нашим:

«Русские военные историки должны невольно признаться, что отступление французов из Москвы есть ряд побед Наполеона и поражений Кутузова».

И неизбежный вывод:

«Выигранное сражение не только не есть причина завоевания, но даже и не постоянный признак завоевания».

Логика графа безжалостна: если все донесения хотя бы наполовину лживы, то любой военачальник, будь он семи пядей во лбу, командует химерами и живёт в фантастическом мире.

«Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, – утверждает Толстой, – но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших, человеческих качеств – любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения».

А в первой редакции романа – ещё круче:

«Чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством».

Всяк корпевший в школе над сочинением по «Войне и миру» знает, что главное ничтожество среди полководцев – это, конечно, Бонапарт. Ибо относится к себе всерьёз. В отличие от своего ветхого годами противника, ухитрившегося в разговоре с Растопчиным запямятовать о том, что уже сдал Москву французам. Очевидно таким и должен быть идеальный стратег, поскольку главное его достоинство, в понимании автора, не путаться под ногами исторического процесса:

«Очевидно было, что Кутузов презирал ум, и знание, и даже патриотическое чувство... Он презирал их своей старостью, своей опытностью жизни».

Как выясняется, правильно делал, поскольку, по мнению графа, любая попытка умышленно повлиять на происходящее обречена изначально:

«Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью».

И, разумеется, в первую очередь бесплодностью поражаются адепты воинского искусства. Уж лучше невежество в чистом виде:

«Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и твёрже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина».

Подвергаются сомнению самые азы науки побеждать:

«Тактическое правило о том, что надо действовать массами при наступлении и разрозненно при отступлении, бессознательно подтверждает только ту истину, что сила войска зависит от его духа».

Иными словами, получили по шее и разбежались – всего-то делов! А упомянутое тактическое правило – не более чем попытка «натянуть факты на правила истории».

Предвижу обиду бесчисленных наших поклонников самурайщины, однако в первой редакции романа Болконский накануне Бородинской битвы говорит Пьеру буквально следующее:

«Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют картины... ужасов и сами наряжаются в медведей на крепостных валах. Это глупо для нас... но мы делаем то же самое... Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, чтобы помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня».

Хочешь не хочешь, бывшему артиллерийскому офицеру приходится разрушить ещё один миф – о благородстве ратного дела:

«Цель войны – убийство, орудия войны – шпионство, измена и поощрение её, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия – отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство».

И если бы речь шла об одних французах! Склонность героического православного воинства к насилию и грабежу признаётся в романе даже русскими дипломатами.

Жутковата и сама концепция произведения, совершенно естественно проистекающая из вышеприведённых посылок:

«Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных тел».

Немудрено, что автор сплошь и рядом оказывается по ту сторону того, что мы, в силу косности, привыкли именовать добром и злом:

«Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можем сказать, для чего она полезна и для чего вредна».

* * *

Такая вот, милостивые государи, безжалостная криптоистория, то бишь реконструкция исторических событий. Можно принимать её, можно не принимать, но в последовательности

графу Толстому отказать трудно. Не зря же накинулись на него с такой яростью все кому не лень, стоило роману появиться в печати! Стыдили, кивали на «Бородино» Лермонтова, один сатирик даже изложил не без сарказма содержание «Войны и мира» лермонтовскими семистихиями. Причём никто не вспомнил, что сам-то Михаил Юрьевич повествует от лица старого солдата, а уж как умеют ветераны проводить патриотически-воспитательную работу с молодёжью – дело известное. Одна гибель полковника чего стоит!

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой...»

Любопытно сравнить это со строками из более позднего стихотворения Лермонтова «Валерик», в основе которого лежат уже не рассказы успевших переговорить друг с другом очевидцев, а личные впечатления. Там тоже есть сцена гибели старшего офицера:

...взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. – Тащат в горы.
Постойте – ранен генерал...»

Как видим, никаких орлиных очей, никаких громких слов – предсмертный бред и ужас оказаться в плену у чеченцев.

Да и само сражение подано чуть ли с отвращением:

И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть
(И зной, и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

Не знаю, как насчёт гоголевской «Шинели», а у меня такое впечатление, что баталист Толстой вышел целиком из этого восьмистишия.

Вернёмся, однако, к «Войне и миру». Посвяительство на миф о кампании 1812-го года сыграло с графом дурную шутку. Поставьте себя на место наших шкрабов: с одной стороны, идеи романа непедагогичны и разрушительны (причём для любого государства, в том числе и советского); с другой стороны, автор – «матёрый человечище» и «зеркало русской революции».

Как быть?

Очень просто: взять Льва Толстого и тоже превратить в миф. Объявить крамольное произведение патриотическим, рамолика Кутузова – гением, истеричку Наташу Ростову – идеалом, и самим в это поверить.

Дайте нам две любые строки любого автора – и мы включим его в школьную программу. Даже этого графа, что ради честного словца не жалел ни матери, ни отца и в таком признавался, от чего добрый россиянин может в падучей забиться:

«Вспоминая теперь всё то зло, которое я делал, испытал и видел вследствие вражды народов, мне ясно, что причиной всего был грубый обман, называемый патриотизмом и любовью к отечеству».

А теперь для сравнения выдержка из энциклопедии: «показал патриотич. порыв рус. народа, обусловивший победу России в Отечеств. войне 1812».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.